

Это заклинание не могло подчинять бессмертных и заставлять их становиться врагами, что было большим облегчением.

Увидев, что Хо Вэй собирается выхватить меч, Му Цинцзя схватил его за запястье и отвел к густому персиковому дереву у стены.

— Зачем прятаться? — нахмурился Хо Вэй. — Кто бы ни устроил эту пакость, мы просто выманим его и убьем.

— Сначала нужно понять, что происходит, — шепотом сказал Му Цинцзя. — У меня такое чувство, что это нечто серьезное, и необдуманные действия могут спугнуть виновника. К тому же... эти смертные не выдержат твоего пламени.

Хо Вэй фыркнул. Он привык решать проблемы быстро и решительно и всегда недолюбливал такую осторожность Му Цинцзя. Но на этот раз он признал, что тот прав, и потому не стал спорить, покорно укрывшись в углу.

Солнце клонилось к закату, и тени людей и деревьев бесконечно удлинялись, переплетаясь, как призраки, и медленно шевелясь.

Лунатики шли не на них двоих, или, скорее, под действием заклинания сокрытия Хо Вэй они даже не заметили их присутствия.

Духовное око Му Цинцзя следило за человеком, идущим впереди, пока тот не скрылся из виду, следуя по белой каменной дорожке, не останавливаясь, и было неизвестно, куда он направлялся.

Тогда ему пришла в голову идея, и он шепнул Хо Вэй:

— Давай притворимся пьяными и смешаемся с ними, чтобы посмотреть, что они затеяли.

Он улыбнулся:

— Настал момент проверить твои актерские способности.

Хо Вэй презрительно фыркнул.

Му Цинцзя уже привык к такому отношению и продолжил:

— Непонятно, как этот метод контроля действует на такое количество людей... Ты говорил, что здесь лучше не задерживаться. Ты заметил что-то странное?

Хо Вэй нахмурился:

— Станный аромат. Аромат травы яо.

Трава яо.

Если виной всему была трава яо, то Му Цинцзя, должно быть, вдохнул немало ее запаха из вина. Однако Хо Вэй лишь слегка пригубил, и выпитого было слишком мало, чтобы оказать на него действие.

Му Цинцзя огляделся и заметил, что на маленьком столике из белого мрамора под цветочной аркой осталась почти половина кувшина вина сладкого источника.

Он лукаво улыбнулся и, укрываясь за цветочной аркой и персиковым деревом, вызвал лозу, которая незаметно принесла ему тот кувшин.

Хо Вэй посмотрел на кувшин с вином, в его глазах читалось недоумение, и он не подозревал о надвигающейся беде.

Затем он с ужасом увидел, как его старший брат демонически улыбнулся, поднял кувшин и вылил его содержимое ему на голову.

Хо Вэй: «...»

Небесный нектар быстро испарился от его температуры, и через несколько мгновений влага исчезла, остался лишь аромат вина, смешанный с запахом травы яо.

Однако Хо Вэй едва не стошнило от мысли, что это вино уже кто-то пил, и его лицо исказилось от отвращения.

Му Цинцзя поспешно шепнул ему на ухо:

— Никто к нему не прикасался, это остатки вина, которое я сам отлил.

Он извиняющимся тоном добавил:

— Это самый быстрый способ пропитаться ароматом, не сердись. Одежду я потом постираю.

Лицо Хо Вэй слегка смягчилось.

Му Цинцзя, успокоив его, притворился пьяным, встал из-под дерева, напряг тело, опустил голову, закрыл глаза и, шатаясь, присоединился к толпе.

Хо Вэй следовал за ним, подражая его поведению.

Солнце, словно сгусток крови, застыло на горизонте, а ночь, будто поглотив желток, поглотила последние лучи. Оранжевые лучи заката проникали через резные балки, отбрасывая на стены извилистые тени.

Они шли через извилистые галереи, и по пути к ним присоединялись все новые лунатики, пока они не оказались у высокого павильона.

Павильон «Тяньхай Исэгэ» назывался так, потому что его основное здание представляло собой трехъярусную деревянную башню. Помимо обширного комплекса дворов, эта башня в основном использовалась как сцена для представлений в вечернее и ночное время.

Темная тень башни, словно огромный зверь, притаившийся в ночи, поглотила людские тени.

Передний лунатик остановился перед деревянной конструкцией, похожей на лестницу, и с трудом согнул ногу, ступив на первую ступень.

Остальные выстроились за ним в очередь, и, как только человек впереди поднимался на ступень, они, будто шестеренки, шагали на следующую.

Только сейчас Му Цинцзя заметил, что множество жителей города, пришедших из-за пределов павильона «Тяньхай Исэгэ», непрерывно переступали порог и входили внутрь. Те, кто шел сзади, растворялись в темноте, и конца им не было видно.

У этого театрального здания было три стороны: восточная, западная и северная, каждая из которых имела три яруса, соединенных лестницами.

На третьем ярусе сцены Хо Вэй сел рядом с Му Цинцзя. Вокруг них не было свободных мест, но, несмотря на полный зал, царила гробовая тишина, лишь изредка раздавался легкий скрип дерева под тяжестью тел.

Хо Вэй посмотрел в центр трех ярусов, где золотая и сверкающая сцена стояла в одиночестве, а над ней висела табличка с четырьмя иероглифами.

— Так должно смотреть, — прочитал он.

— В «Алмазной сутре» сказано: «Все дхармы, возникшие благодаря причинам, подобны сновидениям, иллюзиям, пузырям на воде, теням, росе и молнии. Так следует на них смотреть, — тихо сказал Му Цинцзя. — Это означает, что все в мире возникает, когда сходятся условия, и исчезает, когда условия рассеиваются; все изменчиво и непостоянно. Использование буддийской фразы на театральной сцене должно иметь какой-то смысл.

Однако он подумал, что половина театров в Девяти Областях любит использовать эту табличку как предостережение, чтобы люди не увлекались иллюзорными представлениями.

Внешний вид пуст, театр — лишь иллюзия.

В этот момент все гости уже собрались в театре, но сцена оставалась пустой. Огни мерцали, вечерний ветер раскачивал тени, и все ждали, когда актеры начнут разыгрывать жизни.

Зрители больше не сидели с закрытыми глазами, а открыли их, но взгляды были пустыми и безжизненными, и они молча ждали в тишине сумерек.

Когда ночь поглотила последний луч заката, на сцену вышла женщина, одетая в белое, как снег, с украшениями на голове и скрывая лицо длинными рукавами.

Половина сцены внезапно осветилась, а другая половина оставалась в темноте.

Хо Вэй, наблюдая за застывшими лицами зрителей, задумался, а Му Цинцзя сосредоточился, слушая, как женщина пела:

— Глубоко в преисподней души скорбят, падая в мир теней без близких.

Жаль меня, на реке Цяньтан оставившую сожаление; жаль меня, под тополем оставившую одинокую могилу.

Попав в логово демонов, страдаю, окруженная призраками.

Му Цинцзя был ошеломлен. Даже если не говорить о том, что с этой женщиной что-то не так, сам стиль пения был настолько трогательным и глубоким, что вызывал сильные эмоции, и это было поистине редкое мастерство.

— Что это за пьеса? — спросил Хо Вэй.

— Не знаю, — ответил Му Цинцзя, пытаясь вспомнить. — Но река Цяньтан и тополь кажутся мне очень знакомыми.

Когда актриса, играющая роль Цинъи, вышла на сцену, зрители застыли в восхищении, и,

когда пение достигло кульминации, раздались аплодисменты и крики одобрения, настолько реалистичные, что казалось, будто зрители были актерами, а актеры — настоящими зрителями.

Как только Му Цинцзя начал вспоминать название пьесы, на темной стороне сцены внезапно зажглись свечи, освещая студента, который усердно читал книгу.

— Господин! — пропела женщина в белом.

Студент притворился испуганным и сказал:

— Чья это юная дева, осмелившаяся войти в мою комнату глубокой ночью? Это спокойный храм, и мужчинам и женщинам не подобает быть вместе.

Оба актера были одеты в изысканные костюмы, но, как только студент заговорил, разница стала очевидной.

По сравнению с женщиной пение студента было явно любительским. Он также не слишком старался играть свою роль, лишь смотрел на женщину с глубокой любовью в глазах, и это не было похоже на простого студента, который бы сказал: «Мужчинам и женщинам не подобает быть вместе». Скорее, он был влюблен в женщину.

Всего за две реплики Му Цинцзя понял, что это была одна из версий пьесы «Не Сяоцянь», рассказывающая историю любви студента Нин Цайчэня и призрака Не Сяоцянь.

«Не Сяоцянь», под давлением старого демона, соблазняла студента:

— Мне нравится твой дух, мне нравится твоя ученость. Я хочу последовать за тобой, как Хунфу, и провести с тобой всю жизнь.

«Нин Цайчэнь» повернулся спиной, показал подошву сапога и, покачивая головой, пропел:

— Храм Белого Топола находится в глуши, где нет богатых домов. Неужели это призрак, который заставляет меня дрожать от страха?

«Не Сяоцянь» снова печально сказала:

— Не сомневайся, не отвергай мою искреннюю любовь!

Странно было то, что, хотя ее пение было полным искренних чувств, ее лицо оставалось бесстрастным, а глаза, как рыбы, были безжизненными.

Они продолжали петь, и чем больше «Нин Цайчэнь» погружался в роль, тем более неподвижным и искусственным казался макияж «Не Сяоцянь».

Она была сильно накрашена, брови и глаза были подчеркнуты ярко и густо, и она больше походила на куклу, чем на живого человека, в отличие от зрителей, которые были похожи на ярко накрашенных манекенов.

Сотни темных фигур молча наблюдали за сценой, и до сих пор на сцене происходило лишь простое представление, только мужчина был поверхностным, а женщина — мастерской, мужчина выходил из роли, а женщина погружалась в нее.

Хо Вэй уже не мог терпеть эту любовную сцену, его брови все больше хмурились, и тело

неконтролируемо излучало жар.

<http://bllate.org/book/16250/1461450>